

УДК 316.334.2.

УДК 339.

Творчі дискусії з системних проблем суспільного розвитку

Ніколаєнко А.Г., канд. філософ. наук

доцент кафедри галузевої соціології факультету соціології Київського національного університету імені Тараса Шевченка

BUBBLEECONOMICS ЯК НЕОБХІДНЕ ПОРОДЖЕННЯ НЕОЛІБЕРАЛІЗМУ (СОЦІОЛОГІЧНА ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ПРОБЛЕМИ)

Розглядаються соціальна історія зародження неоліберального способу мислення, а також соціальні наслідки практичної реалізації принципів неоліберальної політики в економіці та науці¹.

BUBBLEECONOMICS КАК НЕОБХОДИМОЕ ПОРОЖДЕНИЕ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА (СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ)

*...общество без справедливости
содержит в себе лишь собствен-
ных врагов...*

П. Гольбах

Духовная предыстория современного экономического неолиберализма. В статье известных украинских ученых – доктора экономических наук, профессора П.Ещенко (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко) и кандидата исторических наук А.Арсеенко, ведущего сотрудника отдела экономической социологии (Институт социологии НАН Украины) под названием "Преодоление рыночного романтизма и фундаментализма – экономический императив современности" [1, с. 7–24] поднят и аргументированно освещен ряд проблем касающихся современной мировой экономики и ее роли в процессе глобализации, а также места Украины в этом процессе.

Статья приглашает к дискуссии всех, равнодушных к происходящему с нами. Положительный момент здесь тот, что эта статья – результат совмест-

¹ На сторінках нашого журналу (№ 2/2010) опубліковано статтю Єщенко П.С. та Арсеєнка А.Г. "Подолання ринкового романтизму і фундаменталізму – економічний імператив сучасності". Автори запрошували до дискусії щодо піднятих у статті питань. Стаття, що пропонується вашій увазі, є відгуком на згадану публікацію.

ного творчества экономиста и социолога. Знание языков позволило авторам привлечь неизвестный у нас и во многом шокирующий материал.

В целом, оценивая указанную статью положительно, хотелось бы уточнить некоторые положения, а также попытаться показать наличие связи между самой экономической реальностью и способом ее понимания экономистами-теоретиками. Все дело в том, что во многих науках наметилась тенденция к профессиональной саморефлексии, то есть поиску специалистами собственной роли в происходящих социальных процессах. В экономической науке эта тенденция, как представляется, еще не обрела четких контуров, а рассматриваемая статья к этому подталкивает. Например, много говорится о характере изменений в экономической реальности, вызванных последним финансовым кризисом, но не описывается субъект кризисных действий, что является неперенным условием в социологическом анализе.

Социологам (представителям социологии знания) известно, что любая проблема может быть рассмотрена с позиций той или иной группы (класса) людей в силу того, что любые образы реальности, включая образы экономической реальности, выраженные в понятиях экономической науки, детерминированы социальными структурами, основу которых составляют классовая и стратификационная структуры общества. Поэтому и хотелось бы рассмотреть проблемы, порождаемые неолиберальной экономической политикой не с позиций всем уже набившего оскомину национал-патриотизма, тесно состыковавшегося в союз с мировым неолиберализмом, а с позиций наиболее заинтересованных в социальном развитии слоев населения – представителей наемного труда.

Нетривиальность рассматриваемой статьи обусловлена еще и тем, что в ней использован терминологический аппарат, которого принципиально избегают отечественные ученые. В этом плане для нас наиболее интересны вводимый в научный оборот самими авторами термин "*bubbleeconomics*" и уже известные, но сопряженные с ним термины "*рыночный фундаментализм*", "*рыночный романтизм*" и некоторые другие. Но следует задаться вопросами: "Сознание каких социальных групп заражено подобными химерами; происходят ли экономические изменения именно в их интересах и какие группы наиболее страдают от такой политики?"

В глобальной экономике в числе пострадавших – абсолютное большинство населения Земли. И это закономерно, ничего иного и быть не может!

Перефразировав известное выражение, можно сказать, что политика – это продолжение экономики другими средствами. В таком смысле экономическая политика – это система идеологических принципов, призванных регулировать социальные отношения экономическими средствами, на которые ориентируются субъекты рыночных отношений.

Здесь хотелось бы обратить внимание на тот факт, что уничтожение политической экономии вывело необходимость изучения самими экономи-

стами тех социальных факторов, которые оказывают непосредственное влияние на их собственные структуры мышления, за пределы экономической науки. В результате они в своем большинстве отказываются понимать, что, например, неолиберальная экономическая политика, как и классическая либеральная, направлена на создание институциональных способов воспроизводства социального неравенства, то есть укрепления существующей социально-классовой структуры общества. А это означает, что рыночная экономика рассматривается по аналогии с некой идеальной машиной, где существуют невидимые механизмы саморегулирования. Поэтому нам неустанно твердят, что рынок постепенно все отрегулирует сам, что у нас еще не отработаны механизмы регулирования социальных отношений рыночными средствами. Но это ложь: рынок не субъект и поэтому он ничего не регулирует. Все отношения в обществе регулируют субъекты рыночных отношений и делают это, ориентируясь на частнособственнические интересы.

Рынок есть лишь то социальное пространство, где все это происходит. Но рынок, одновременно, и тип социального времени, в котором пребывают данные субъекты. С изменением времени они исчезнут как класс (не социальный, а класс людей со свойственным ему мышлением – способом понимания природы социальной и экономической реальности). Рынок в то же время и социальный институт, опредмеченная совокупная воля сообщества реальных частных собственников, что и создает видимость того, что он что-то регулирует и что способы рыночного регулирования ни от чьей воли не зависят. А коли так, то рынок и отчужденная воля представителей наемного труда (в силу его видимой объективной природы) вынуждены приспособляться к условиям, созданным *не ими, но для них*.

Продемонстрируем это на примере. Либералы (либеральное сообщество) со свойственным им способом мышления оказались неспособны наладить в пределах рыночной экономики бесперебойный процесс воспроизводства социального неравенства в полной мере. Тотальное наступление рабочего класса, по крайней мере, в Европе и США, такую возможность исключило. Поэтому время классического либерализма кануло в Лету, а ему на смену пришло время неолиберального сообщества, пытающегося трансформировать социальное пространство, то втискивая в него средний класс, то разоряя его.

Как это происходило?

В течение XX ст. классические либеральные модели национальных экономик с исторической арены постепенно уходили, а приходили социал-демократические, которые, хотя и строились на тех же рыночных принципах, но степень эксплуатации рабочей силы достаточно строго контролировали. Все это и обусловило необходимость поиска более эффективных механизмов инкорпорации протестующего рабочего класса в рыночную экономику, а ра-

бочего движения – в капиталистическую политическую систему, что и положило начало неолиберальным реформам.

На деле социал-демократическая модель экономики была не более чем попыткой соединения социалистической и либеральной моделей, поэтому и оказалась абсолютно нежизненной но, как ни странно, стала основой для формирования современного неолиберального рыночного фундаментализма – полного отказа от возможной нерыночной модернизации общества, которой требовал рабочий класс.

И, тем не менее, как свидетельствует современная социальная история, – а это история взаимодействия больших групп людей и, в первую очередь, классов, – технология такого сращения сработала. Западный пролетариат и его партии были во многом инкорпорированы в политическую систему капиталистического общества, а у нас появились ростки рыночного романтизма, что в немалой степени способствовало и процессу медленного удушения советской власти.

В своем понимании природы рыночного романтизма как социального явления авторы указанной статьи несколько неточны. У западного пролетариата, который либеральные социологи никак не могут похоронить, его никогда не было и в принципе быть не могло, ведь он взращен в рыночных условиях. Инкорпорация западного пролетариата и его партий в политическую систему капитализма обеспечила лишь его лояльность, но никак не его рыночную романтику.

Рыночная романтика – порождение отечественной новейшей экономической и социально-политической истории, не вышедшее за пределы просторов бывшего социалистического лагеря. Подобный тип массового сознания – доморощенное, исторически случайное и временное явление, сложившееся в результате утраты опыта классовой борьбы. Надежда на лучшую нежели социалистическая жизнь имела под собой не экономическое, а идеологическое основание. И уже первые ростки рыночной экономики эту надежду окончательно похоронили. Теперь и наша отечественная, и, между прочим, европейская и американская социальная реальность показывают, что рыночная экономика остается основным фактором социальной напряженности и никак не может стать материальным основанием для романтических настроений.

Рыночный романтизм не укладывается в объективную логику социального развития и является свидетельством не более чем временного поражения мирового пролетариата. Более живучим он оказался не в рабочей среде, а в сообществе профессиональных экономистов, забывших о реальных связях экономики и социума. Большинству из них теперь следует напоминать о том, что экономические отношения – разновидность социальных отношений, что, например, деньги и кредит – лишь форма социальных, опосредованных вещами, и в рыночных условиях они являются средством власти над трудом,

необходимым для его эксплуатации, а не средством обеспечения социальной свободы для людей труда.

Что представляет собой современный финансовый кризис, если рассматривать его под этим углом зрения? Мало кто из профессиональных экономистов поверит в то, что это форма проявления общего кризиса капитализма, его агонии. И напрасно, нужно не верить, а знать, что этот кризис – объективное проявление логики функционирования рыночных отношений, что экономические категории, которыми они оперируют (бизнес, рынок, кредит и прочее), выражают, в конечном итоге, отношения больших групп людей (классов) на рыночном пространстве. Для одних это средство и степень контроля (стабилизации) этого пространства-времени, для других – попытка выхода из него, стремление к освобождению. Но экономисты-теоретики (да и не только они) ничего об этом и слышать не хотят. Для них подобные суждения относятся к разряду недоразумений.

В современном неолиберализме не осталось ничего от классического *liberté*, на которую опиралась Великая французская буржуазная революция. Еще во второй трети XX в. она стала трансформироваться в агрессивный рыночный фундаментализм, агрессивную политику во всех сферах общественной жизни, включая науку и культуру.

Духовная история либерализма свидетельствует, что:

во-первых, капиталистические (антимонархические) преобразования во многом базировались на массовом презрении к монархии, критике расточительского поведения феодальной аристократии, а неолиберальные – на страхе перед неминуемым наступлением социализма и... возрождении аристократии, правда, уже буржуазной;

во-вторых, социализм и коммунизм являются логическим продолжением классического либерализма, а неолиберализм претендует на роль могильщика социализма, чем и обуславливается его сладкоголосая (популистская) агрессивность.

В неолиберализме слова и дела либералов окончательно разошлись, что поставило на повестку дня:

– для одних – необходимость возрождения великих либеральных принципов *liberté, égalité, fraternité*, практическая реализация которых оказалась чуждой позднему капитализму, но близкой социализму;

– для других – разработку системы технологий, включая экономические, препятствующих трансформации капитализма в социализм.

Как идеология и как социально-политическая практика неолиберализм и стал такой системой. Это идеология деперсонализованного (совокупного) капиталиста, идеальным типом которого стал банкир, а не так называемый ***отечественный производитель***.

Вкратце можно изобразить духовную историю нелиберализма как часть его социальной истории. Его практическая история несколько сложнее.

Социальная история экономического неолиберализма. Перефразируя известное выражение, можно сказать, что немножко социалистом быть можно! Неолиберализм – дитя очищения классического либерализма от его первоначальной почти социалистической романтики. Будучи жестко прагматичным, он до сих пор сохраняет социалистическую риторику, доставшуюся ему от практического слияния социал-демократии и либерализма. Оба эти политические направления в своей ориентации на частную собственность как материальную основу капитализма давно превратили социалистическую риторику в политическую технологию – популизм или политическую демагогию². Оба отказались от идеи рыночной стихии, ведь иначе нельзя снять (взять под контроль) перманентную угрозу крупному капиталу со стороны людей труда. Рыночная стихия – питательная среда для социальной напряженности. Ей на смену пришли перманентные функциональные социальные реформы, включая экономические.

Понятие функциональной социальной реформы означает систему политических, правовых и экономических решений и действий, направленных на стабилизацию капиталистического общества. Например, широко разрекламированная борьба с бедностью, рассматриваемая в контексте функционалистской теории, предстанет совсем в ином свете, нежели в официальных отношениях. Буржуазные политики на словах признают, что бедность, как и безработица³, – социальное зло. Казалось бы, в чем вопрос – раз и навсегда решите эту проблему. Ведь, например, в СССР ни бедности, ни безработицы не было.

Лучшим средством стабилизации нестабильных (потому что конкурентные) общественных отношений стала технология, разработанная представителями структурно-функционального анализа, – формирование политико-экономическими и правовыми средствами в классовой структуре капиталистического общества среднего класса (буферной зоны между пролетариями и капиталистами), функциональные размеры которого опять же определяются с математической точностью в зависимости от степени активности рабочего класса.

Бедность, безработица и другие социальные язвы, функциональны. Без них капитализма не будет – это неолибералы поняли хорошо. Поэтому вся их борьба с подобными явлениями сводится к решению единственной задачи – контроль степени их функциональности для социальной системы. Они поня-

² Между прочим, в настоящее время проблемы политической демагогии на Западе и в психологии, и в социологии изучаются весьма глубоко.

³ Бедность и безработица – результат межклассовых отношений в обществе, порожденных, в свою очередь, разделением труда. Это хотя и привычные явления, но не естественные, как считают многие, включая и экономистов, а *нестественные*, то есть социальные.

ли, что неконтролируемое увеличение числа бедных дисфункционально, потому что порождает социалистические настроения, грозит социальной нестабильностью и чревато гибелью капитализма. Но и неконтролируемое снижение числа бедных дисфункционально, ибо чревато ползучей делигитимацией власти крупного капитала.

Кроме того, степень их функциональности значительно возрастает, когда между трудом и капиталом создается достаточно сильная прослойка – средний класс, размерами которого можно манипулировать с целью регулирования степени социальной напряженности.

Такова логика неолиберального экономического мышления и понимания социальных процессов. Согласно такому пониманию, капитал может чувствовать себя в безопасности, если все так называемые социальные язвы будут публично называться язвами, но наличествовать, а степень их функциональности-дисфункциональности – измеряться специальными научными исследованиями тех ситуаций, которые складываются во взаимоотношениях между трудом и капиталом.

Теперь, если классовый конфликт нарастает, ряды среднего класса искусственно увеличиваются в ходе, например, *поддержки* малого бизнеса, если угроза крупному капиталу становится незначительной, он возвращается на свои "законные" позиции, разоряя малый бизнес. Все осуществляется в соответствии с глубоко изученными законами социальной динамики: без всяких сантиментов и морали. Страдания людей, между прочим, и самих капиталистов, которые они испытывают в процессе таких колебаний, больше не в счет. Капитализм требует жертв и со стороны самих капиталистов. Реальные социальные причины подобного широко не обсуждаются, а все списывается на естественную (а не историческую) необходимость.

Неолиберальная экономическая наука внесла в изучение законов социальных колебаний и разработку экономических механизмов их регуляции немалый вклад. В ней социум цинично рассматривается как среда и средство извлечения прибылей, а не самодостаточная культурная система. Стоит только под этим углом зрения посмотреть на историю Нобелевских премий по экономике и все станет на свои места.

Рост среднего класса сеет массовую иллюзорную надежду на "светлое" капиталистическое будущее. Очередной "стихийный" кризис просеет его ряды и мало кто догадается, что это – функциональное и одновременно радикальное средство регуляции его численности.

Как ни покажется странным, первые ростки неолиберальной социальной истории появились в ходе социал-демократических преобразований немецкой экономики в конце 20-х – начале 30-х гг XX в. и дали свои неожиданные результаты. Неконтролируемый рост мелкой буржуазии привел к тому, что она возжаждала власти, а крупный капитал стал финансовым донором

этого процесса. В странах победившего фашизма социалистические движения были подавлены и отошли на обочину истории⁴.

Но технология формирования буферной зоны была отработана и поэтому сразу после войны Людвиг Эрхард в стране, по его словам, с разрушенной социальной структурой и экономической инфраструктурой приступил к осуществлению так называемого плана Маршалла⁵ – целенаправленного взращивания среднего класса под контролем преимущественно американского крупного капитала. О сути своих реформ он цинично заявил в своей книге с примечательным и почти социалистическим названием "Благосостояние для всех" [2].

Кстати, реформы Л.Эрхарда были неолиберальными по своей политико-экономической сути. Их принято сводить к двум параллельно осуществляемым реформам – денежной и реформе цен. Но это лишь экономическая сторона дела, социальная же – сформировать средний класс, в результате чего депопуляризировать в сознании немецкого народа победивший социализм, переориентировав его на идею социального (а не социалистического) государства. И это делалось несмотря на то, что однажды подобная мина, заложенная социал-демократами под социальную историю, уже взорвалась.

Время показало технологическую эффективность, но и политическую тупиковость подобной политики, хотя ее доморощенные поклонники у нас именно ее и проводят. А ведь уходящий на пенсию канцлер Шредер первым заявил, что Германии социальное государство больше не по карману. Это означает, что дальнейший рост рядов среднего класса стал угрожающим для крупного капитала и ни на какие дальнейшие уступки тот не пойдет. США и старая Европа подтверждают это на практике.

Можно и дальше продолжать описание социальной истории неолиберализма, но и сказанного достаточно, чтобы понять, что:

во-первых, социальное государство – не социалистическое, а буржуазное и создается оно в интересах отнюдь не людей труда, а крупного капитала;

во-вторых, представители среднего и мелкого капитала – только средство для осуществления неолиберальной асоциальной политики; заложники в его стратегических играх;

в-третьих, экономический кризис на самом деле является системой политической, экономической и культурной репрессии, осуществляемой представителями крупного капитала преимущественно против рабочего класса.

⁴ Советский НЭП тоже породил довольно активную в социальном плане прослойку, как сказал бы Аристотель, средних людей, которые тоже возжаждали власти. И его резко свернули, а возможность ползучего возрождения капитализма пресекли.

⁵ План Маршалла часто сводят к вопросам экономической помощи несоциалистическим странам, хотя на самом деле это было начало холодной войны как этап подготовки к новой горячей войне, в которой европейский средний класс должен был сыграть роль ударной силы. На самом деле этот класс и стал такой силой, настолько мощной, что новая горячая война не понадобилась. Теперь в нем нужды нет и поэтому его сливают в помойную яму истории. Надолго ли?

Реанимация экономического позитивизма: социологическая суть и логика неолиберального экономического мышления. Выше мы уже рассмотрели некоторые особенности неолиберального экономического мышления, носителем которого сегодня вольно или невольно оказались многие представители профессионального экономического сообщества, и в первую очередь экономисты-теоретики. Одним из признаков такого мышления стало радикальное отрицание способа мышления, альтернативного рыночному.

Любые попытки высказать критические замечания по поводу этой политики пресекаются всеми возможными способами, граничащими с прямым запретом. И, что интересно, в западных "демократиях" отношение к альтернативному мышлению менее жесткое, нежели в так называемых молодых "демократиях".

Неолиберальный рыночный фундаментализм невозможен без базирования на позитивистской методологии. И она была создана. Одним из способов ее культивирования у нас стало целенаправленное разрушение развивавшейся несколько столетий науки, называемой *политическая экономия*, под тем предлогом, что экономическая наука якобы должна быть свободной от политики и идеологии. А как же с тем, что исторически политическая экономия была ответом научного сообщества на первоначальные запросы буржуазии по поводу знаний о способах рачительного (а не расточительного), ведения хозяйства, способного обеспечить нормальную, жизнь *всем*, то есть в духе *liberté, égalité, fraternité*?

Хотя и негласно, но от необходимости решения этих задач неолибералы отказались. Теперь для них экономика – не средство решения социальных проблем, а некоторая самодостаточная, независимая от социума область общественной жизни. "Да, это наука о производстве, но не о производстве Человека!" – рассуждает либерал!

Неолиберальные политики – эти агенты капитала, "освободив" отечественных экономистов-теоретиков от политики и идеологии, стыдливо умолчали, что это был единственный способ превратить их в носителей собственной политики и идеологии в экономической науке. И ученые враз забыли, что классический либерализм взрастал и на политэкономической основе в том числе.

Здесь мы не говорим о том, что в учебниках по экономической теории забыли указать время и причины появления этой науки. Мы говорим о *социальной памяти*, о способности удерживать в сознании факты, имевшие место во взаимоотношениях таких больших социальных групп, которыми являются классы людей, и оказавшие существенное влияние на ход развития истории и науки.

Неолиберальная экономическая теория стала ответом буржуазии на системное наступление мирового пролетариата в его борьбе за свои социальные права.

В силу разделения труда в науке каждая отрасль знания формирует свойственный ей способ мышления, носителем которого является преимущественно

но сообщество людей, занимающихся ею профессионально. Политическая экономия не была исключением. Пусть она и разделялась на марксистскую и буржуазную по стилю мышления, но способ мышления у них был общим – политико-экономическим, где политическое по сути означало социальное.

Они по-разному отвечали на вопросы о связи частной собственности, экономической деятельности и, например бедности и безработицы, но не абстрагировались от анализа этой связи. Неолиберальное экономическое мышление теперь "свободно" от таких химер, что и делает его позитивистским.

Что в этом плане означало понятие "*политическая экономия*"? Слово "*политическая*" показывало наличие в данном способе мышления социологической составляющей, предметом которого были экономические по форме, но общественные по содержанию отношения между людьми. То есть, каждое понятие понималось как отражение особого типа общественных отношений, сложившихся между различными группами людей по поводу производства и распределения материальных и духовных благ. А так как производство понималось как производство Человека, а не только прибыли (точнее, прибавочной стоимости), то политическая экономия относилась еще и к гуманитарным наукам. Прямой запрет на использование понятия "*политическая экономия*" и замена его понятием "*экономическая теория*", осуществленная под предлогом реформы экономической науки, имели катастрофические последствия в социологическом измерении.

На самом деле это было разновидностью социального действия, ориентированного на то, чтобы при помощи экономистов-теоретиков донести до общественного сознания идею об исторической несостоятельности общественной собственности на средства производства. И данное сообщество теперь справляется с этой задачей достаточно успешно.

К сожалению, в силу ограниченных размеров статьи мы не можем описать моральные, гносеологические и социальные (включая экономические) последствия такого запретительного действия.

Отметим только одно: экономический позитивизм восторжествовал и господствует в умах не только экономистов-теоретиков⁶. А позитивизм все-

⁶ Например, один из теоретиков экономического позитивизма М.Фридман, еще в 1953 г. разделил экономические исследования на нормативные и позитивные. Первые предписывают то, какой должна быть экономика, вторые изучают существующую экономику вместе с влиянием на нее различных факторов (скажем, политических). Эта идея стала методологической в анализе экономических отношений как таковых, которые просто есть и в этом независимы от чьей-либо воли. Позитивистский способ мышления, взращенный такой методологией и свойственен неолиберальному экономическому сообществу. Поэтому мы довольно часто слышим, и не только от экономистов-теоретиков, что было бы хорошо сделать по Марксу, то есть не было бы бедности, безработицы и т.д., но не получается. Нельзя этого сделать по определению, невозможно! А думать наоборот – можно, но утопично [3, с. 20–25]. Заметим, что позитивизм в политическую экономию проникал из философии и социологии практически со времен О.Конта, основателя этой

гда и везде сопряжен с функционализмом – с идеей свести роль социальных контрагентов капитала к функции, к обслуживающему элементу.

А это означает, что экономическая теория больше не является сферой гуманитарного знания, хотя и считается, она обслуживает рынок (капитал), частные, а не общественные интересы.

Разумеется, экономисты-позитивисты так не считают. Они *верят*, что сытый капиталист накормит и голодающего рабочего, в то время когда нужно знать о существовании противоречий между частным и общественным интересом и направлять свои усилия на изучение его экономических последствий для каждой отдельно взятой группы людей.

Банк как институт неолиберального фундаментализма. Всякая идеология и соответствующее ей социальное движение имеют успех лишь в том случае, если в обществе начинают складываться отношения и институты, способствующие воспроизводству этого движения. Банк – классический пример подобного рода института. Это институт воспроизводства рациональности – состояния сознания, без которого воспроизводство меркантилизма будет весьма затруднительно. А без меркантилизма капитализма нет.

В капиталистической экономике это еще и институт воспроизводства частнособственнических отношений, власти и эксплуатации человека человеком. В экономике неолиберального типа банк – важнейший институт формирования среднего класса и в случаях, когда его ряды становятся настолько многочисленными, что начинают угрожать потерей легитимности крупного капитала, может опустить его на социальное дно

Всякая политика осуществляется в интересах определенной группы людей. Неолиберальная экономическая политика – это политика, осуществляемая в интересах банкирского сообщества. Несмотря на современное беспрецедентное сращение банковского и промышленного капитала, банковский в этом союзе остается доминирующим. Банкирское сообщество определяет идеологию социальных преобразований, их направление и цели, не имеющие ничего общего с реальным социальным развитием.

Само капиталистическое государство стало институтом осуществления деперсонализированной в банковском капитале воли банкирского сообщества.

Беда в том, что говоря о рынке и рыночных отношениях, экономисты до сих пор рассматривают их не как систему действия субъектов этих отно-

методологии, но М.Фридман нашел ему "теоретическое обоснование". Как не вознаградить за такую "теорию" Нобелевской премией? И М.Фридман ее получил.

Но в том-то и дело, что подобные теории не выдерживают, как сказал бы К.Поппер, верификации, правда, не в попперовском философско-методологическом ее понимании, а в социологическом, то есть с позиций социологии экономики и социологии знания (экономического), где экономика есть системой действий, взаимодействий и противодействий социальных субъектов, а экономические категории – отражение этих действий и их результатов.

шений, определяемых степенью социальной активности их контрагентов, а как самонастраивающуюся машину. Но такое представление о рынке свойственно классическому либерализму, а не неолиберализму.

Скажем, формирование среднего класса без скоординированных действий банков не представляется возможным, а координация такого рода действий и есть разновидностью экономической политики, проводимой банкирским сообществом. Именно такая политика породила иллюзию утраты рабочим классом своего исторического значения, а капитализмом – его эксплуататорской сути. А эта иллюзия, в свою очередь, была положена в основу ряда "научных" концепций: народного капитализма, общества благоденствия, посткапитализма и тому подобных. Многим показалось, что так оно и есть, что капитализм эволюционным путем достиг в социальной области значительно большего, нежели конкурирующий с ним социализм.

В условиях системного противостояния рабочего класса и буржуазии, продолжающегося более полутора веков, именно банкирское сообщество стало инициатором разработки идеологии инкорпорации рабочего класса в капиталистическую политическую систему. Этой идеологией и стал неолиберализм. Практическая реализация этой идеологии осуществляется через все без исключения социальные институты, на которые и возложена обязанность осуществления так называемой второй модернизации – системы именно неолиберальных социальных реформ. Разумеется, финансовое обеспечение этих реформ осуществляется за счет государственного бюджета, а не банкирским сообществом. Само банкирское сообщество должно было взять на себя обеспечение дешевым кредитом жаждущих заниматься бизнесом, (которые и должны были составить средний класс), разумеется, наживаясь на этом.

На самом деле, за привлекательной вывеской "социальные реформы" скрывается по сути репрессивная политика в отношении наемного труда, направленная на подавление воли к сопротивлению, которая и привела к массовому разочарованию и относительной политической апатии в рядах мирового пролетариата.

Дешевый кредит обеспечивал быстрый и значительный рост числа относительно успешных людей, которые вначале совершенно не подозревали, что попадают в жесткую долговую петлю, удушающую всяческую социальную активность.

На самом деле социальная суть дешевого кредита состояла не в повышении деловой активности, как говорили политики и экономисты, а в обмене денег на массовую лояльность. Вторая модернизация в условиях утраты авторитета институтами власти в капиталистических обществах и стала системой технологий повышения степени легитимности капиталистических социальных отношений.

Результат оказался более чем успешным. Даже в СССР огромное число людей поверило в то, что капитализм более прогрессивный социальный строй, нежели социализм. И СССР не стало!

На западе падение СССР стало сигналом того, что пора платить по долгам. И разразился финансовый кризис.

К тому же можно сказать, что этот кризис – показатель экономической и социальной никчемности неолиберализма. С другой стороны, это способ концентрации денег и власти. Деньги обесценились, но никуда не делись, а перетекли в карманы (извините, банки) конкурентов, которые стали еще богаче и могущественней.

И если капиталистическое государство занимается финансовым вливанием в банки, потерпевшие крах, то только с целью проведения антимонополистической политики, неэффективность которой может привести к возрождению монархии (ведь частная собственность тем и отличается, что имеет тенденцию к накоплению, приводящую к концентрации власти). Поэтому главный лозунг сегодняшнего дня может звучать так: ищите триллионеров! Теперь они правят миром и все вокруг нас делается в их интересах.

И последнее. Если ранее кризисы капиталистического производства были связаны с его стихийным развитием, то сейчас они стали функциональным элементом неолиберальной политики "производства среднего человека", живущего иллюзией надежды на возможное обогащение.

Валютный рынок и кредит как процесс расширенного воспроизводства власти денег. В специальной литературе довольно распространено мнение о том, что история денег хорошо изучена. Однако хорошо изучена экономическая суть денег, а у них есть еще и социальная история – история взаимного влияния социума на изменения в товарно-денежных отношениях, а, с другой стороны, изменения самих социальных отношений под влиянием изменений в товарно-денежных отношениях. В политической экономии данное взаимодействие нашло свое отражение, а в экономической теории как бы отошло на задний план.

С момента зарождения денег, то есть когда люди начали обмениваться товарами, начался процесс символизации и самого обмена, и обмениваемых товаров. Этот процесс в социологическом смысле означал очень многое, а именно то, что он может быть средством воспроизводства социально-групповой (классовой) структуры общества и социальной структуры власти. Этот факт по своей сути латентный. Чтобы его выявить, потребовался длинный исторический путь, во время которого неуклонно возрастало социальное значение экономического обмена как разновидности символической системы. Например, К.Маркс в первом томе "Капитала" подробно описал товарный фетишизм – этот собственно социальный момент в товаре как форме человеческих отношений, выражающийся в форме системы иллюзий, придающий деньгам и товару силу, не свойственную им по их физической сути.

Влияние денег на сознание обывателя таково: в сознании существует иллюзорное мнение о том, что сами деньги (а не те, у кого их много) повеле-

вают людьми, определяют их поступки и отношения к другим людям. Но деньги всего лишь символ наших собственных отношений друг к другу, самим этим символом опосредованных.

На эту сторону дела и обратим наше внимание.

Главными этапами в осознании символической сути денег и товарно-денежного обмена были: момент знакомства Европы с возможностью опосредования обмена бумажными деньгами, имеющим место в Китае (в конце XIII в. она узнала об этом от Марко Поло и приняла в штыки, потому что до сих пор считалось, что обмен может осуществляться и опосредоваться только равноценными товарами и равными по их ценности денежными знаками); изобретение печатного станка Гуттенбергом в XV в.⁷ и начало массового печатания бумажных денег сделало последние достаточно дешевыми⁸, что без *доверия* к таким деньгам было бы невозможно⁹; наконец, появление электронных денег, символических не только по значению, но и форме своего социального бытия.

Торгаш Марко Поло хорошо понимал символическое значение бумажных денег и поэтому имел основания утверждать, что они стали новым способом достижения извечной мечты алхимиков.

Алхимическая суть денег, если возможно употребить такую метафору, заключается в том, что они символизируют не только право на пользование и распоряжение чем-либо, опосредованное процессом обретения его в собственность, но и вообще право на пользование и распоряжение чем бы то ни было, включая самих людей.

Иными словами, раскрытие символической сути денег дает возможность понять, что не количество золота, ценных бумаг на руках или на электронном счету в банке разделяет людей на бедных и богатых, а установившаяся во времени система общественных отношений, воспроизводимая при помощи символического, но не равного по социальному смыслу товарно-денежного обмена. Скажем, европеец легко обменивал у индейца зеркальце

⁷ В Китае это произошло значительно раньше.

⁸ В Европе впервые это случилось во Франции в XVIII в. Мы не ставим целью описать все возможные способы символизации и соответствующей виртуализации денежной массы. Скажем, предсказанные М.Фридманом, а потом реализованные на практике переход к плавающим курсам валют и отказ от золотого стандарта является одним из показателей символической сути денег и, заодно, показателем возрастания степени их символизации. И существующие, и возможные в будущем так называемые ценные бумаги играют ту же роль, постепенно вытесняя из товарно-денежного оборота физическую суть денежной массы. Не трудно предсказать неперенный и полный переход к электронным деньгам, который сдерживается ростом прибыли на валютном рынке и отработанными механизмами контроля массы денег в денежном обороте, но подталкивается возможным значительным сокращением издержек, связанных с печатанием денежной массы и возможностью ухода от контроля со стороны государства за денежным оборотом. Заметим, что даже в случае полного вытеснения наличности и замены ее электронными деньгами, экономическая суть капиталистического товарно-денежного обращения не изменится, но его моральное старение станет более прозрачным.

⁹ Только государство могло гарантировать возможность обратного обмена таких денег на новые товары, без чего их никто и никогда не взял бы в руки.

на слиток золота, что даже по рыночным условиям равносильно обману, хотя абориген так не считал. И ваучер, принятый взамен обещанных двух "Волг", отечественными аборигенами тоже воспринимался как символ социальной справедливости, якобы порушенной прежней властью. Принимая ваучер, обыватель думал, что он останется таким же свободным, как и прежде, но станет значительно богаче, ведь прежняя власть у него уж очень много отнимала. И тем самым дал добро не только на приватизацию им же построенного предприятия, но и на эксплуатацию и себя, и своих детей и внуков.

Иными словами, если, по выражению классика, социализм есть советская власть плюс электрификация всей страны, то для нас капитализм есть буржуазная власть плюс ваучеризация (системный обман) всей страны.

Ваучер – иллюзия, а какие последствия для истории?

Товарно-денежные отношения или отношения купли-продажи, в социологическом их понимании и являются разновидностью отношений, взаимного и дозволенного обмана. Это научно установленный факт. Рынок как социальный институт – это институт обмана, а вся рыночная по своему духу буржуазная наука, вместе с ее экономическим блоком, – поиск наиболее эффективных способов обмана общества в пользу весьма узкой группы лиц. "Каждый должен стараться как можно дороже продать и как можно дешевле купить" (Ф.Энгельс). По этому поводу Ф.Энгельс пишет, что этот "конфликт носит решительно враждебный характер, ибо каждый знает намерения другого, знает, что намерения эти противоположны его собственным. Поэтому первым следствием торговли является, с одной стороны, взаимное недоверие, с другой — оправдание этого недоверия, применение безнравственных средств для достижения безнравственной цели. Так, например, первым правилом в торговле является умалчивание, утаивание всего того, что могло бы понизить цену данного товара. Отсюда вывод: в торговле дозволительно извлекать возможно большую пользу из неосведомленности, доверчивости противной стороны и равным образом дозволительно приписывать своему товару такие качества, которыми он не обладает. Словом, торговля есть узаконенный обман" [3, с. 548].

В социологии есть закон определения ситуации Уильяма Томаса, перефразировав который, можно сказать, что, считая социальное неравенство справедливым, мы соглашаемся на то, чтобы быть в социальном отношении не равными другим людям. Иными словами, мы сами, признавая, например, за отдельно взятым человеком право быть капиталистом, наделяем его правом на нашу эксплуатацию. Но при этом думаем, что он стал капиталистом в силу исключительных личных качеств, не свойственных никому из нас. Отечественные экономисты-теоретики – не последние в отряде ученых, создающих привлекательный образ бизнесмена, – этого *частного собственника* (!), неусыпно радеющего об *общем* (?) благе. А, между прочим, среди запад-

ных социологов давно бытует утверждение, что частные интересы бизнеса и общественные интересы (интересы большинства членов общества), мягко говоря, противоречат друг другу.

На самом деле капиталист действительно обладает некоторыми качествами или далекими от гуманистических возможностями ограничивать нас в праве и возможностях противодействовать его хищническим аппетитам.

Прочитав внимательно социологическую теорию обмена Дж.Хоманса, можно легко прийти к подобного рода выводам.

Иными словами, главная функция товарно-денежного обмена – легитимация социального неравенства.

Из сказанного следует, что степень обеспечения жизненными средствами каждого и даже само право на жизнь пребывает в руках того социального слоя, который имеет право на определение принципов не производства, а распределения, включая распределение в обществе денежной массы.

Если таковым субъектом является государство и только оно, как это было, например, в СССР, то принципы распределения зависят главным образом от наличия ресурсов, имеющихся в распоряжении общества. Если этим субъектом является частный собственник, тогда все представители наемного труда зависят от его субъективной воли, воли частного лица, которая, правда, отчуждена от его персоны и функционирует в форме целого ряда социальных институтов: частной собственности, рынка, государства, права, науки, образования и тому подобного.

Ш.Монтескье в своем труде "О духе законов" относительно феодального общества утверждал, что "так как неравное распределение богатств вытекает из самого устройства монархии, то роскошь там неизбежна. Если богатые будут мало тратить, то бедным придется умирать с голоду. Необходимо даже, чтобы траты богатых были пропорциональны неравенству состояний и чтобы, как мы уже сказали, роскошь возрастала в той же самой пропорции" [4, с. 244].

Разве при капитализме мы имеем не то же самое? Если богатые не будут тратить, то им, как богатым, не понадобится расширенное воспроизводство, требующее расширенного воспроизводства и рабочей силы, с существованием которой они вынуждены смириться, несмотря на все неудобства, которые она им приносит вместе с богатством.

Но поскольку мы говорим о такой категории богатых, как банкирское общество, то для его членов главным средством обогащения давно стало не производство как таковое, а производство денег на валютном рынке и на рынке ценных бумаг¹⁰. Разумеется, мы имеем в виду не физическое печатание денег и ценных бумаг, а рост их массы в спекулятивном по своей сути денежном обороте.

¹⁰ А если деньгами можно было бы питаться и в них одеваться, то современное капиталистическое производство вообще ничего другого бы не производило.

Как деньги, так и ценные бумаги функционируют по одним и тем же спекулятивным законам. Игра на курсе валют и ценных бумаг – разновидность обсчета и обвеса, без чего спекуляция невозможна. И если бы деньги не имели никакого символического содержания, *игра* на повышение или понижение их оптовой и розничной цены была бы невозможна. Вот почему денежный рынок и рынок ценных бумаг – главный фактор превращения реальной экономики в экономику "бабла", в которой периодические кризисы давно перестали быть чем-то случайным.

Кризис – это способ разорения конкурентов и один из наиболее радикальных способов перераспределения валютных средств в пользу наиболее богатых, составляющих костяк банкирского сообщества. Вот почему даже собственность на средства производства перестает быть гарантом обогащения и удержания власти. Но только потому, что именно частная собственность на средства производства остается главным фактором сохранения капиталистических общественных отношений, и происходит сращивание банковского и промышленного капиталов.

И понятие валового продукта утрачивает свою объяснительную силу, потому что теперь не реальный валовый продукт является причиной возрастания или уменьшения необходимой для нормального функционирования производства денежной массы, а размеры денежной массы душат производство или способствуют его развитию, поэтому главной фигурой как в пределах национальных государств, так и в глобализируемом мире стал не так называемый производитель, как либералы сегодня стыдливо называют капиталиста, а банкир, денежный спекулянт. Поэтому и возрастание богатств стало более эффективным в сфере денежного обращения и обращения ценных бумаг, нежели в сфере непосредственного производства материальных и духовных благ.

Финансовый кризис, между прочим, – необходимый этап в функционировании денежной массы. Он – радикальное средство расправы с конкурентами, включая конкурентов на валютном рынке и на рынке ценных бумаг. В нем, как в зеркале, отражается социальная суть всей системы товарно-денежных спекулятивных операций.

Мы еще не привыкли к слову *триллионер*, а они, есть подозрение, уже давно живут в своем божественном мире, воспринимая реальный мир как мир марионеток. И когда это понятие озвучат официально, человечество будет повергнуто в шок. С этого момента окончательно станет ясной степень морального падения капиталистического способа производства, хотя в глазах большинства людей, живущих своим трудом, слова *труд* и *производство* давно стали сферами их отчужденного существования. На языке верующих людей эта мысль была бы сформулирована более выразительно: они стали проклятыми и заниматься ими – удел проклятых, богом забытых, вовсе не избранных людей.

Разорение отдельных банкиров, между прочим, тоже играет свою функциональную роль, ибо в массах создается впечатление, что кризис – это такая случайность, от которой *страдают все*. Специалисты-экономисты¹¹ хором повторяют эту глупость, демонстрируя свой позитивистский в методологическом и функционалистский в социальном плане способ мышления.

Особый интерес в связи со всем здесь сказанным представляет кредит. О нем написано огромное количество книг.

Но нетрудно убедиться в том, что социальная суть кредита экономистам-теоретикам малоинтересна. Разумеется, они знают, что реальная власть, например в Украине, находится в банках, а не на Банковой, но причина такового не находит своего экономического объяснения.

Латинское слово "credo" означает "вера", а слово "credit" – "доверие". В узком смысле: мне как бы доверяют некоторую сумму денег с надеждой на ее возвращение с процентами. Социальная же суть кредита состоит вовсе не в этом, а в том, что в нем, как в зеркале отражается тот факт, что реальные право и власть отчуждены и контролируются институтами как бы неполитического характера.

Однако не нужно обольщаться – не всякие деньги дают право и власть, а только большие деньги, точнее, *очень большие!* Сколь большой ни была бы заработная плата, она не дает ни права, ни власти.

Кредит в этом смысле – процедура делегирования права и суверенитета, ранее отчужденного от их владельца. Вот почему размер иностранных вливаний в национальную экономику лишь свидетельствует о той цене, которую платят глобальные финансовые институты за отчуждаемый им национальный суверенитет. Вот откуда корни всякого национализма. А степень нашего реального национального суверенитета в свою очередь определяется теперь не нашей способностью его защищать, а ценой наших материальных и интеллектуальных ресурсов, выставленных на продажу на мировом рынке.

Деньги – тот особый товар, который и при покупке, и при продаже его банком (а кредит есть формой продажи денежной массы), приносит прибыль. Банковские операции такими образом можно понять как процесс производства денег и власти, ими символизированной.

Чем эффективнее это контролируемое банковским сообществом производство, тем выше степень несанкционированного государством контроля этим сообществом всей совокупности социальных процессов.

¹¹ В ходе подготовки данной статьи автор применил своеобразный метод экспертных оценок, опросив по интересующим его вопросам десяток не последних в Украине экономистов и применяя перечень специально разработанных вопросов. Но, что интересно, при достаточно критическом отношении к экономическим реалиям сегодняшнего дня, практически все они высказывались с позиций частнособственнического интереса. А это значит, что противоречие между общественным и частным интересом в современном экономическом дискурсе преимущественно рассматривается как явление случайное, а не закономерное. Лучшего свидетельства функциональной в отношении к капиталистическому способу производства сути свойственного экономистам-теоретикам способа мышления трудно найти.

И, как ни странно, мещанская и невежественная массовая жажда денег, порожденная их символической сутью, легитимизирует капиталистическую власть, несмотря на то, что эксплуатация труда капиталом при этом выходит за пределы производственных цехов на наши улицы.

Во всем этом и заключена вся социальная суть современной bubbleeconomics, состоящая в системно и непомерно раздуваемом финансовом пузыре.

Докризисная, как, впрочем, и послекризисная американская экономика, – классический пример bubbleeconomics. Поэтому не нужно думать, что пузырь лопнул окончательно и навсегда. Его надувают снова практически во всех государствах мира, где происходят многомиллиардные вливания в банковскую сферу ничем не обеспеченной денежной массы в расчете на одно – повысить степень доверия масс людей к национальным валютам, среди которых продолжает доминировать доллар.

Магическая власть денег огромна. Она превращает великие народы и государства в маленьких марионеток. По ее приказу строятся авианосцы и стираются с лица земли заселенные негодными народами территории, уничтожаются миллионы рабочих мест и выбрасываются на улицу в качестве безработных миллионы работников.

На самом деле, в ходе второй модернизации национальных экономик, неолиберальной по своей социально-политической сути, деньги превратились в символ деперсонализированной воли банкирского сообщества.

Вот такие невеселые, социологические мысли возникают в ходе чтения статьи П.Ещенко и А.Арсенко.

За это им и спасибо!

Литература

1. *Ещенко П.С., Арсенко А.Г.* Преодоление рыночного романтизма и фундаментализма – экономический императив современности // *Економіка і прогнозування.* – 2010. – № 2. – С. 7–24.
2. *Эрхард Людвиг.* Благополучие для всех [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <<http://bookz.ru/authors/ludvig-erhard/ludverhard01.html>>.
3. *Энгельс Ф.* наброски к критике политической экономии (конец 1843 г.) // *К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч.* – 2-е изд. – М., 1955. – Т 1. – С. 541–571.
4. *Монтескье Ш.* О духе законов. – Госполитиздат, 1955. – С. 244.
5. *Фридман М.* Методология позитивной экономической науки // *THESIS.* — 1994. – Вып. 4. – С. 20–52.

*Надійшла в редакцію
19.11.2010 р.*